

ТЫ-Я

Alex Aris

Ты-Я

«Автор»

2026

Aris A.

Ты-Я / А. Aris — «Автор», 2026

Нейробиолог Вадим Серов уверен: личность — это информация, которую можно сохранить и воспроизвести. Чтобы доказать свою теорию, он тайно переносит собственное сознание в мозг Кирилла — пациента, три года не отвечавшего миру. Эксперимент удаётся. В чужом теле просыпается второй Вадим. Он помнит жизнь своего создателя, его работу и любовь к Ирине, но постепенно в нём оживают страхи, рефлексy и воспоминания Кирилла. Стабилизатор помогает ему сохранять себя, однако формула находится в руках Оригинала. Тем временем смертельно больной Борис намерен использовать открытие ради собственного бессмертия. Оказавшись между чужим прошлым и навязанной личностью, Дубликат должен понять, кто он: копия Вадима, вернувшийся Кирилл или новый человек, имеющий право на собственное имя и жизнь. «Ты-Я» — психологический научно-фантастический триллер о памяти, свободе выбора и границе, за которой копия становится личностью.

© Aris A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой навык	5
Глава 2. Бездёжный	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ты-Я

Глава 1. Чужой навык

психологический технотриллер

Роман

Собака остановилась перед жёлтой дверцей и посмотрела на Вадима.

До конца коридора оставалось восемь метров. За дверцей, в узком металлическом пенале, лежала салфетка с запахом гексогена. Количество вещества было безопасным, пенал герметичным, но для испытания это не имело значения. Лада должна была найти закладку, сесть и коснуться пола правой лапой. Так её не учили.

Вадим стоял за стеклом, не двигаясь. Даже дышать старался неглубоко, хотя понимал, что через две перегородки, фильтры и поток воздуха собака не могла его услышать. На экране перед ним бежали четыре линии: пульс, дыхание, направление взгляда и усреднённая активность моторной коры. Пятая линия, тонкая и серая, показывала расчётную вероятность нужного действия.

Шестьдесят два процента.

Лада отвернулась от стекла. Потянула воздух. Сделала шаг к дверце и замерла.

— Не подсказывайте ей, — сказал Вадим.

Кинолог рядом с ним покосился на собственные руки. Он держал их за спиной.

— Я ничего не делаю.

— Вы перенесли вес на правую ногу.

— И что?

— Для вас ничего. Для неё — сигнал ожидания.

Кинолог снова встал ровно. Его звали Роман, он проработал со служебными собаками пятнадцать лет и с самого начала относился к проекту так, будто инженеры собрались заменить его прибором. На первых совещаниях он спорил, потом замолчал. Вадим предпочитал прежнюю стадию. Молчание нельзя было внести в протокол и опровергнуть цифрами.

Лада приблизилась к жёлтой дверце. Серая линия поднялась до семидесяти четырёх процентов, дрогнула, упала на пять делений. Собака обнюхала стык между стеной и полом. Затем прошла дальше.

За спиной Вадима кто-то кашлянул.

В смотровой находилось девять человек, хотя он просил допустить четверых. Директор лаборатории привёл двух представителей заказчика. Те привели своего врача и женщину с планшетом, которая не представилась. Ещё здесь были руководитель отдела безопасности и заместитель директора по финансам. Никто из них не понимал, зачем присутствует финансист, включая самого финансиста, но изгнать его перед демонстрацией Вадим не решился.

На столе у стены остывал кофе. Пахло пластиком новых кресел и средством, которым ночью протёрли стекло. Уборщики оставили в нижнем углу белёсую дугу. Вадим смотрел на неё всякий раз, когда Лада делала что-то не по расчёту.

Собака дошла до конца коридора. Там были ещё две дверцы: синяя и зелёная. За синей спрятали ткань с запахом человека, за зелёной — корм. Контрольные отвлекающие стимулы. Лада задержалась возле корма, коротко фыркнула и повернула обратно.

Вероятность поднялась до восьмидесяти одного процента.

— Она уже проходила этот маршрут? — спросил один из представителей заказчика.

— Нет, — ответил Вадим.

— Похожий?

— Все поисковые коридоры похожи, если смотреть на них человеку. Для собаки этот новый. Другие размеры, вентиляция, материал стен и расположение закладок.

— Но запах тот же.

— В этом смысл задачи.

Мужчина кивнул так, будто поймал Вадима на неточности, и записал что-то в папке.

Лада снова остановилась у жёлтой дверцы. На этот раз она не посмотрела ни на стекло, ни на кинолога. Нос прошёл вдоль нижнего края. Собака села.

В комнате никто не пошевелился.

Лада подняла правую лапу и один раз коснулась пола.

Серая линия на экране дошла до единицы.

Роман тихо выдохнул. Женщина с планшетом первой начала хлопать, но директор остановил её взглядом. Вадим нажал клавишу фиксации. Система сохранила тридцать секунд до маркерного действия и десять после него.

— Испытание завершено, — сказал он в микрофон.

В коридор вошёл ассистент. Лада не бросилась к нему и не стала ждать лакомства. Она продолжала сидеть, глядя на жёлтую дверцу. Ассистент пристегнул поводок. Только после команды Романа собака встала.

— Четыре дня, — сказал директор лаборатории, обращаясь к гостям. — До процедуры эта собака не проходила подготовки по поиску взрывчатых веществ. Четыре дня назад она путала целевой запах с техническим маслом. Сегодня она выполнила норматив опытной служебной собаки.

— Не норматив, — сказал Роман.

Директор обернулся.

— Простите?

— Один коридор — не норматив. И обозначение у неё чужое.

— Обозначение было частью переносимого комплекса.

— Я знаю. Поэтому и говорю: чужое.

Вадим снял очки и протёр их краем халата. На линзе осталось пятно, но возвращаться к салфеткам не хотелось.

Четыре дня назад Ладе провели стимуляцию по карте нейронной активности другой собаки — Альмы. Альма работала в сапёрном подразделении шесть лет. Она находила взрывчатку в багаже, автомобилях и помещениях, не боялась выстрелов и никогда не обозначала находку лаем. Правая лапа, короткое касание пола. Этот жест закрепил Роман, когда Альме было одиннадцать месяцев.

Ладу никто этому не учил.

Вадим должен был чувствовать облегчение. Вместо него появилась пустота, похожая на ту секунду в лифте, когда кабина уже пошла вниз, а тело ещё не согласилось с движением.

Он сам писал критерии успешности. Целевой запах. Поисковая последовательность. Игнорирование отвлекающего стимула. Условное обозначение. Все четыре пункта выполнены. Три независимых поведенческих эксперта подтверждают результат по записи. Через неделю повторят опыт на другом маршруте, затем на открытой площадке. Если эффект сохранится, заказчик продлит финансирование.

Всё произошло так, как он рассчитывал.

Почти всё.

Когда ассистент провёл Ладу мимо смотрового окна, собака вдруг дёрнулась назад. Поводок натянулся. Она подняла голову и уставилась на верхний правый угол стекла.

Там ничего не было. Белая рама, отражение лампы, камера под потолком.

Лада заскулила.

Роман шагнул к двери.

— Подождите, — сказал Вадим.

Собака встала на задние лапы и поскребла стекло. Не яростно, не требуя выпустить её. Так животное просит впустить.

— Что там? — спросил представитель заказчика.

— Отражение, вероятно.

Но Роман уже смотрел не на собаку, а на Вадима.

— Где Альма?

— В виварии. Второй корпус.

— Там кто с ней?

— Дежурная смена.

Роман вынул телефон. В смотровой не разрешалось пользоваться личной связью, но сотрудник безопасности не успел его остановить.

— Женя, подойди к Альме. Да, сейчас. Просто подойди... Что она делает?

Он слушал, не отводя глаз от Лады.

— Понял. Ничего не трогай.

— Что? — спросил директор.

Роман убрал телефон.

— Стоит у двери вольера. Скребёт правую стену.

Вадим надел очки. Пятно оказалось точно против правого глаза.

— У Альмы бывает стереотипное поведение в состоянии ожидания?

— Она не стену скребёт. За этой стеной лестница. Когда я забирал её на работу, всегда поднимался оттуда. Она слышала шаги раньше дежурных.

— Это не имеет отношения к Ладе.

— Конечно, — сказал Роман. — Поэтому Лада сейчас просится в место, которого никогда не видела.

Директор велел увести собаку и пригласил гостей в переговорную. Он говорил быстро, перечислял следующие этапы и возможные сроки масштабирования. На пороге задержался, ожидая Вадима.

— Мне нужно завершить выгрузку, — сказал тот.

— Пять минут.

Когда дверь закрылась, в смотровой остался Роман. Через стекло было видно, как ассистент ведёт Ладу обратно по коридору. Собака больше не сопротивлялась.

— Она почувствовала Альму? — спросил кинолог.

— Через два корпуса?

— Я не спрашивал как.

— Тогда сформулируйте вопрос, на который можно ответить.

Роман подошёл к монитору. На экране застыл график последних сорока секунд. В момент, когда Лада повернулась к стеклу, программа отметила всплеск в зонах, не включённых в основной профиль.

— Вы это переносили?

— Я переносил рассчитанный комплекс.

— Не спросил что вы собирались. Спросил, что перенесли.

Вадим увеличил фрагмент графика. Система показала карту активации. Красные точки лежали глубже участков, связанных с поисковым поведением. Он видел похожую конфигурацию у Альмы во время тестов на узнавание Романа.

Совпадение могло быть артефактом. Движение головы, запах ассистента, случайный шум в вентиляции. Для любой отдельной реакции существовало простое объяснение. Проблема возникала, когда объяснения приходилось складывать.

— До повторения это ничего не значит, — сказал Вадим.

— Для вас, может быть.

— И для науки.

— Я не про науку.

Роман показал на пустой коридор.

— Альма последние две недели почти не ест. Её вывели из работы, и она ждёт меня каждое утро. Сегодня я впервые не пришёл. Потому что был здесь. А эта собака встала напротив окна и сделала то, что делает Альма, когда слышит мои шаги.

— Лада могла почувствовать ваш запах.

— Через стену?

— Запах оставался на сотрудниках и оборудовании. Вы работали с обеими собаками.

— Значит, запишите это в отчёт.

Вадим повернулся к нему.

— Что именно?

— Что она почуяла мой запах и повела себя как другая собака.

Роман вышел, не дожидаясь ответа.

Вадим остался перед монитором. В соседнем помещении сотрудники снимали датчики, переговаривались, смеялись. Сквозь стену слова не различались. После удачного опыта люди всегда становились громче, словно результат принадлежал каждому, кто оказался поблизости.

Он открыл исходный массив.

Проект назывался «Цербер», потому что название выбирали не учёные. В заявке говорилось об ускоренном формировании служебных компетенций. Ни памяти, ни сознания, ни личности. Компетенции можно финансировать, оценивать в процентах и передавать заказчику. Сознание требовало комиссий, юристов и людей, которые начинали говорить о душе, едва переставали понимать устройство прибора.

Сам Вадим не пользовался этим словом в рабочих документах. Сознание нельзя было измерить как отдельную величину. Были доступность воспоминаний, устойчивость реакции, модель собственного тела, способность предсказывать последствия, узнавание себя в непрерывности времени. Набор процессов. Очень сложный, но не принципиально отличный от навыка искать запах.

На втором мониторе он открыл профиль Альмы. Восемь месяцев записей. Лабиринты, звуковые тесты, сон, кормление, работа с кинологом. Система строила не фотографию мозга, а вероятностную модель: какие группы нейронов включались вместе, какие связи усиливались после ошибки, что происходило перед верным действием. Для переноса выбрали узкий слой — поиск и обозначение цели. Всё остальное алгоритм должен был отсеять.

Должен был.

Вадим совместил графики Альмы и Лады. Полоса совпадения появилась почти сразу. Семьдесят девять процентов на интервале в две и четыре десятых секунды.

Он изменил параметры фильтра. Семьдесят четыре.

Исключил моторную активность. Восемьдесят три.

Убрал последние десять минут, пересчитал базовую линию, проверил синхронизацию часов. Совпадение осталось.

Лада не могла помнить Романа. Она видела его на подготовительных этапах, но он не кормил её, не тренировал и не входил с ней в поисковый коридор. Даже если запах вызвал возбуждение, форма реакции не должна была повторить Альму.

На столе завибрировал внутренний телефон.

— Мы начинаем, — сказал директор.

— Две минуты.

— Сейчас, Вадим.

— Иду.

Он отключился, но не встал.

Программа предлагала сохранить анализ в папку испытания. Оттуда данные автоматически попадали в общий отчёт. Вадим передвинул курсор к кнопке и задержал руку.

Если сохранить всё, опыт приостановят. Не обязательно закроют. Назначат этическую экспертизу, повторные тесты, независимую группу. Запретят изменять протокол. Через полгода, если финансирование не уйдёт, ему позволят проверить, была ли реакция случайной.

Это был правильный порядок.

Вадим знал его преимущества. Он сам требовал контрольных групп, слепой разметки и повторяемости. Ему приходилось вычищать из чужих статей красивые выводы, стоявшие на трёх удачных животных. Один эпизод ничего не доказывал.

Но один эпизод мог подсказать, что именно нужно искать.

Он создал локальную копию массива. Система запросила основание для выгрузки.

«Проверка временной синхронизации», — написал Вадим.

Файл ушёл в его закрытый рабочий раздел. Из общего протокола он удалил сорок секунд после завершения испытания. Формально они не входили в тестовый интервал. Видеозапись осталась на сервере безопасности, но поведенческая разметка закончилась вместе с командой «испытание завершено». Человек, не знающий, что искать, увидит собаку, которую уводят из коридора.

Перед выходом Вадим ещё раз посмотрел на две карты активности.

В детстве он разбирал механические часы, принадлежавшие деду. Не из любопытства — хотел доказать, что сможет собрать обратно. Дед обнаружил детали на столе и не стал ругать. Спросил только, идут ли они теперь. Часы Вадим собрал. Они отставали на семь минут в сутки, но это казалось несущественным: механизм работал, стрелки двигались, пружина заводилась. Через месяц часы остановились. Часовщик показал Вадиму крошечную шайбу, которую тот поставил обратной стороной. На глаз разницы не было.

Тогда Вадим понял: вещь может выглядеть восстановленной и всё же быть другой.

В переговорной директор уже демонстрировал диаграмму сроков. На экране три обычных года подготовки служебной собаки сжимались до шести недель. Представители заказчика сидели напротив, женщина с планшетом листала материалы испытания. Роман занял место у двери.

Для Вадима оставили стул рядом с директором.

— Наконец-то, — сказал тот. — Коллеги хотят услышать предварительное заключение автора метода.

Вадим сел, положил очки на стол и заговорил без слайдов.

Он объяснил, что результат соответствует заранее установленным критериям. Подчеркнул, что одного испытания недостаточно. Перечислил необходимые проверки: новый маршрут, незнакомый кинолог, другие отвлекающие запахи, отсроченное тестирование через две и четыре недели. Представитель заказчика дважды попытался перевести разговор к срокам внедрения. Вадим возвращал его к валидации.

— Но принцип подтверждён? — спросила женщина с планшетом.

— Подтверждена передача комплекса поведенческих навыков.

— Без обучения реципиента?

— Без традиционного обучения. Была адаптационная сессия после процедуры.

— Собака-донор ничего не потеряла?

— Нет.

— То есть навык скопирован.

Директор улыбнулся. Это слово предназначалось для пресс-релиза, которого пока не существовало.

— В допустимом приближении, — сказал Вадим.

— А что ещё можно скопировать?

В комнате стало тихо. Директор чуть повернул голову, предупреждая его не усложнять.

Вадим видел перед собой Ладу у стекла. Правая лапа на прозрачной поверхности. Не поисковый жест, а просьба открыть дверь человеку, которого она не знала.

— Пока мы передаём только изолированные навыки модели, — ответил он.

Это было правдой.

— Я спрашиваю о пределе.

— Предел определит способность мозга реципиента перестроиться, не утратив собственные функции.

— Память?

— Память не хранится отдельным файлом.

— Характер?

— Это не научный термин.

— Личность.

Роман у двери перестал смотреть в пол.

Вадим взял очки, но не надел их.

— Личность — устойчивый способ обработки информации, — сказал он. — Если способ имеет материальный носитель, его можно описать. Если его можно достаточно точно описать, вопрос воспроизведения становится техническим.

Директор вмешался прежде, чем женщина успела задать следующий вопрос.

— Это отдалённая теоретическая перспектива. Текущая программа ограничена специальной подготовкой животных.

Разговор вернулся к стоимости, срокам и количеству собак. Вадим отвечал, когда спрашивали. Роман больше не произнёс ни слова.

После совещания директор закрыл дверь и велел Вадиму остаться.

— Теоретическая перспектива? — переспросил Вадим.

— Им нужны собаки. Не философская революция.

— Она спросила о пределе метода.

— А ты мог сказать, что данных нет.

— Данные есть.

Директор посмотрел на него внимательнее.

— Какие?

Вадим выдержал паузу.

За стеклянной стеной переговорной сотрудники разбирали кофе и оставшиеся бутерброды. Один из инженеров поднял большой палец. Вадим ответил коротким кивком.

— Общая модель, — сказал он. — Если перенос устойчивых нейронных паттернов работает на навыке, нет оснований считать личность физически исключительной.

— Зато есть основания не произносить это перед заказчиком.

— Вы хотите финансирование только для собак?

— Я хочу, чтобы лаборатория существовала через год.

Директор собрал бумаги в папку, хотя мог оставить их на столе.

— Ты сделал отличную работу. Не испорти её желанием немедленно доказать следующий тезис.

— Следующий тезис уже внутри результата.

— Тогда пусть посидит там до повторных испытаний.

Вадим вышел, ничего не ответив.

Вместо кабинета он пошёл во второй корпус.

Виварий находился через крытый переход. После стерильной тишины лаборатории там всегда было слишком много жизни: цокали когти, звенели миски, кто-то лаял в дальнем ряду, вентиляция несла запах влажной шерсти и дезинфицирующего средства. У двери Вадим надел бахилы и расписался в журнале.

Роман сидел на корточках между двумя вольерами. В левом лежала Альма — тёмная немецкая овчарка с проседью на морде. Справа Лада ходила вдоль решётки, останавливаясь каждый раз напротив кинолога.

— Сюда нельзя после испытания без карантинного интервала, — сказал Роман, не оборачиваясь.

— Мне можно.

— Поэтому и пришли.

Вадим остановился в проходе. Альма подняла голову. На Ладу не посмотрела. Лада, наоборот, застыла и несколько секунд следила за движением старой собаки.

Роман вынул из кармана два одинаковых резиновых мяча.

— Альма никогда не любила новые. Пока не разомнёшь и не отдашь свой запах, не берёт. Лада хватается всё, что катится.

Он положил один мяч перед решёткой Альмы. Та отвернулась. Второй бросил Ладе. Молодая собака подбежала, раскрыла пасть — и остановилась. Обнюхала мяч, вернулась к решётке без него.

— Это вы уже проверяли? — спросил Вадим.

— Сразу после коридора.

— Почему не записали?

— Ждал, придёте ли вы сами.

— Так данные не собирают.

— А собак так не копируют.

Вадим присел рядом. Лада приблизила нос к решётке. Взгляд был внимательным, но не испуганным.

— Отказ от нового предмета может быть реакцией на нагрузку.

— Может.

— Или на запах помещения.

— Может.

— Или она устала.

— Тогда зачем вы здесь?

Вадим достал телефон, включил камеру и повторил тест. Лада снова не взяла новый мяч. На третьей попытке схватила его, но сразу выпустила.

— Теперь записано, — сказал он.

Роман покачал головой.

— Записано, как собака три раза не принесла игрушку. Не записано, почему.

— Именно так и работает наблюдение.

— Нет. Так работает способ не отвечать до тех пор, пока ответ не станет удобным.

Альма поднялась и подошла к решётке. Роман просунул пальцы между прутьями. Старая собака прижалась к ним лбом. Через несколько секунд Лада сделала то же у соседнего вольера, хотя Роман к ней не прикоснулся.

Движения были похожи, но не одинаковы. Альма закрыла глаза. Лада продолжала смотреть на лицо кинолога, словно ждала подсказки.

— Она не стала Альмой, — сказал Вадим.

— Я вижу.

— Навык и связанная с ним эмоциональная оценка могли перенестись вместе. Это не личность.

— А сколько таких оценок нужно, чтобы вы перестали говорить «не личность»?

Вопрос был ненаучным. Вадим мог перечислить критерии, объяснить, почему антропоморфизация поведения мешает исследованию. Вместо этого посмотрел на двух собак по разные стороны перегородки.

— Альму снимут с проекта? — спросил он.

— По плану — после контрольной записи.

— Что значит «снимут»?

— Передадут ведомственному питомнику. Если признают непригодной — усыпят.

Вадим знал порядок. В документах стояло «завершение содержания биологического донора». Он подписывал бюджет на процедуру.

— Я продлю наблюдение, — сказал он.

— Ради неё?

— Ради отсроченного контроля переноса.

— Конечно.

Роман встал и вытер ладони о брюки.

— Если в Ладе осталось что-то Альмино, кому теперь принадлежит? Вам? Заказчику? Ладе?

— Поведенческая модель не может кому-то принадлежать так, как вещь.

— В договоре написано другое. Там всё, что получено в проекте, принадлежит заказчику.

Он взял поводок и вошёл к Альме.

— Когда дойдёте до людей, сначала решите, кого будете запирают в вольере.

— Мы не дойдём до людей без отдельной программы, экспертизы и лет работы.

Роман пристегнул карабин.

— Вы уже ответили как человек, который собирается дойти.

На обратном пути Вадим сохранил видео с мячом в ту же закрытую папку, что и спорные сорок секунд. В общий журнал вивария внёс продление наблюдения за Альмой на тридцать дней. Основание сформулировал точно: «Необходимость исключить отсроченную взаимную модификацию поведения донора и реципиента».

Слово «взаимную» он добавил после паузы.

В лабораторном крыле включили дневное освещение. Ночь за узкими окнами отступала, небо становилось бесцветным. Сотрудники поздравляли друг друга. Кто-то предложил вечером собраться в баре. Вадим сказал, что постарается, и все поняли это как отказ.

В своём кабинете он запер дверь и открыл локальную копию данных.

На полную обработку требовалось несколько часов. Он задал поиск корреляций вне целевого комплекса и поставил ограничение: не использовать общий вычислительный кластер. Рабочая станция предупредила, что расчёт займёт девять часов сорок минут.

Вадим подтвердил.

Затем открыл личный исследовательский журнал. Последняя запись была сделана три месяца назад: предположение о переносе эмоциональной оценки вместе с обученным действием. Ниже он написал:

«Опыт 41. После завершения целевой задачи реципиент воспроизвёл реакцию донора на кинолога. Возможные объяснения: запаховая ассоциация, непреднамеренное включение профиля узнавания, совпадение. Данные исключены из официального интервала до проверки».

Он перечитал последнюю фразу и заменил «исключены» на «сохранены отдельно».

Так было точнее.

Телефон показал два пропущенных вызова от Ирины и сообщение: «Ты обещал закончить до семи. Хотя бы скажи, всё живы?»

Вадим посмотрел на время. Было восемь двадцать три.

Он написал: «Все живы. Получилось».

Ответ пришёл сразу: «Тогда приезжай и расскажи».

Вадим начал печатать, что нужно проверить данные, но остановился. На экране рабочей станции медленно заполнялась полоса анализа. Ноль целых три десятых процента.

Он выключил верхний свет, оставив только настольную лампу. В отражении окна кабинет казался пустым, если не считать белого прямоугольника монитора.

«Через час», — ответил он Ирине.

Она позвонила прежде, чем он успел убрать телефон.

— Это научный час или обычный? — спросила Ирина.

— Обычный.

— Тогда назови время.

Вадим посмотрел на часы в углу экрана.

— Девять тридцать.

— Сейчас восемь двадцать четыре. Я записала.

На заднем плане у неё закипел чайник. Вадим представил кухню: синяя кружка возле раковины, раскрытое окно, билет на холодильнике. Через девять дней они должны были уехать за город. Ирина уже дважды спрашивала, не совпадёт ли поездка с новым испытанием. Он дважды ответил, что график закрыт.

— Рассказывай, — сказала она. — Что получилось?

— Лада нашла закладку с первой попытки. Прошла незнакомый маршрут, проигнорировала корм, обозначила правой лапой.

— Как Альма?

— Да.

— И чему вы радуетесь: что Лада научилась или что стала похожа на Альму?

Вадим откинулся в кресле. У Ирины была привычка задавать вопрос в форме простой развилки, хотя она уже видела третью возможность. В клинике это помогало пациентам заметить ошибку в собственном выборе. Дома раздражало.

— Она не стала похожа на Альму. Получила конкретный поисковый комплекс.

— Ты сам сказал: та же лапа.

— Жест входит в навык.

— А если бы Альма после находки скулила?

Вадим посмотрел на закрытый видеофайл с сорока секундами после опыта.

— Не скулила.

— Я спрашиваю, что считалось бы навыком. Найти запах? Сесть? Поднять лапу? Ждать конкретного человека после работы?

— Последнее не переносилось.

Ответ вышел слишком быстрым.

— Но произошло что-то похожее, — сказала Ирина.

— Почему ты решила?

— Потому что ты говоришь «не переносилось», когда я спросила «считалось бы». Обычно ты сначала исправляешь термин.

На экране полоса анализа дошла до одной целой двух десятых процента. Расчёт обещал закончиться вечером. Вадим мог открыть спорный график, описать поведение у стекла и услышать профессиональный ответ. Ирина работала с нарушениями памяти. Она не стала бы говорить о душе, как боялся директор. Спросила бы, почему данные исключены из протокола и кто разрешил переносить больше заявленного.

— Лада перевозбудилась после теста, — сказал он. — Роман увидел сходство с поведением Альмы. Пока это наблюдение без контроля.

— Ты сохранил запись?

— Разумеется.

Он не уточнил где.

— Альма жива?

— Да.

— А с ней всё в порядке?

Вадим вспомнил старую собаку у решётки, отказ от мяча и формулировку в бюджете.

— За ней наблюдают.

— Это снова ответ про процедуру.

— Другого пока нет.

Ирина помолчала. Чайник выключился. В наступившей тишине Вадим услышал, как она поставила кружку на стол, но не налила воду.

— Ты вернёшься и всё равно откроешь данные дома, — сказала она.

— Не открою.

— Тогда зачем тебе ещё час?

— Запустить расчёт и оформить журнал.

— Хорошо. В девять тридцать я закрою ноутбук, даже если ты принесёшь его с собой.

— Это угроза оборудованию?

— Последствие.

Он улыбнулся. Слово было её способом вернуть ему собственную манеру говорить.

— В девять тридцать, — повторил Вадим.

После звонка он открыл общий протокол. Курсор стоял в строке «непредусмотренные реакции». Поле оставалось пустым. Вадим напечатал: «Кратковременное возбуждение после завершения задачи; требуется повторное наблюдение». Ни Лады у стекла, ни одновременного поведения Альмы, ни сходства карт активности в формулировке не осталось.

Перед сохранением он открыл сравнительную диаграмму ещё раз. Синим была отмечена активность Альмы во время ожидания Романа после занятий, красным — активность Лады после переноса. Линии не совпадали полностью. Красная запаздывала, давала более резкий пик на звук шагов и раньше спадала. Комиссия увидела бы в этом аргумент против переноса личности: сходство статистическое, поведение можно объяснить возбуждением.

Вадим наложил третью запись — Лада до процедуры. Красная линия до переноса оставалась почти ровной. Изменение возникло именно после сеанса и повторяло не задачу с запахом, а ожидание конкретного человека, которого Лада прежде не знала.

Он попытался построить простое объяснение. Роман кормил обеих собак. Запах халата. Положение у двери. Случайное подкрепление. Каждая версия объясняла часть, но не одновременное движение лапы и поворот головы на шаги в коридоре. Поведение было слишком сложным для одного переданного навыка и слишком неполным для целой памяти.

Именно неполнота удерживала его у экрана. Если бы Лада стала Альмой, опыт следовало немедленно закрыть. Если бы не изменилось ничего, проект остался бы системой ускоренного обучения. Между этими исходами существовала область, где можно было передать структуру выбора, не переноса субъекта целиком.

Вадим создал копию исходных данных и попробовал удалить последние сорок секунд. Программа предупредила: нарушится непрерывность временной шкалы. Тогда он оставил сырой файл, но исключил участок из автоматической разметки. В отчёте появлялся аккуратный пробел между завершением задачи и возвращением животного в вольер.

Он увеличил масштаб. Сорок секунд выглядели тонкой серой полосой.

Так мало времени отделяло успешный эксперимент от другого эксперимента, на который никто не давал разрешения.

Он сохранил документ, проверил время и установил напоминание на девять двадцать.

Перед уходом Вадим спустился в виварий. Лада спала у дальней стены, положив морду на лапы. Альма находилась в соседнем боксе и не спала. Когда Вадим вошёл, обе собаки одновременно подняли головы.

Роман заполнял журнал кормления.

— Они так весь вечер, — сказал он. — Одна слышит, другая повторяет.

— Между боксами нет зрительного контакта.

— Я знаю.

Вадим встал так, чтобы собаки не видели его. Постучал ногтем по металлической стойке. Альма повернула голову первой, Лада — через долю секунды. Он повторил с другим ритмом. Теперь первой отреагировала Лада.

- Записать? — спросил Роман.
- Нет. До утра ничего не меняй в режиме.
- Это наблюдение.
- Пока нет контрольной серии, это шум.

Роман всё равно сделал пометку в личном блокноте. Вадим заметил, но не потребовал зачеркнуть. Если эпизод окажется случайностью, запись никому не повредит. Если повторится, у события уже будет второй свидетель — и Вадим потеряет возможность считать его только своей гипотезой.

- Дай посмотреть, — сказал Вадим.

Роман протянул блокнот. Он записал время, положение собак и два ритма стука. Последней строкой: «Лада ожидает человека, которого до процедуры не знала».

- Это вывод, — сказал Вадим. — Не наблюдение.
- Тогда исправь.

Вадим зачеркнул «ожидает» и написал «занимает положение у выхода при звуке шагов Романа». Фраза стала точнее и одновременно страшнее: теперь спорить приходилось не с чужим толкованием, а с поведением.

— Завтра повторим вслепую, — сказал он. — Другой халат, другой маршрут, запись без звука для эксперта.

- После уведомления ветеринара.
- Если уведомим сейчас, собак изолируют и изменят режим. Контроль будет испорчен.
- Режим уже изменился. Лада получила кусок Альмы.
- Мы этого не знаем.
- Но действуешь так, будто знаешь. Иначе не прятал бы сорок секунд.

Вадим вернул блокнот. Роман не обвинял его в жестокости и не требовал остановить проект. Только назвал связь между двумя решениями, которые Вадим держал отдельно: скрытый фрагмент и отсроченное уведомление.

- До утра никаких новых воздействий, — сказал Вадим.
- Запиши в общий журнал.
- Я отвечаю за протокол.
- Поэтому и запиши.

Вадим открыл журнал на планшете. Напечатал: «Повторная серия отложена до оценки поведения». Не указал, кем и почему. Роман сфотографировал экран вместе с системным временем.

- Ты мне не доверяешь?
- Доверяю достаточно, чтобы оставить тебе шанс не переписать эту ночь утром.

Фраза показалась Вадиму излишне драматичной. Через несколько недель он вспомнит её дословно.

Он выключил свет. В темноте одна собака тихо ударила лапой по решётке. Через секунду из соседнего бокса пришёл такой же звук.

По правилам Вадим должен был уведомить ветеринарного врача о непредусмотренном изменении поведения до следующей серии. Он открыл форму, указал номера животных и остановился на строке «характер события».

Если написать «возможный перенос эмоционально окрашенной реакции», животных изолируют, сырые данные заблокируют, а опыт рассмотрит комиссия. Если написать «возбуждение после нагрузки», утром разрешат повтор.

Вадим сохранил форму черновиком без отправки. Сказал себе, что одна ночь даст контрольное наблюдение и сделает сообщение точнее.

На деле одна ночь давала ему преимущество перед людьми, обязанными решить, можно ли продолжать.

Он поставил напоминание на семь утра, раньше смены ветеринарного врача.
Потом открыл новую папку и назвал её «Полный профиль».

Глава 2. Бездёжный

Марк не любил слово «динамика». В клинике оно означало что угодно: человек впервые сам поднял ложку, перестал узнавать жену, научился моргать в ответ на вопрос или три недели лежал без изменений. В последнем случае писали «без отрицательной динамики», словно неподвижность уже была маленькой победой.

В истории Кирилла Зорина слово встречалось сто восемьдесят четыре раза.

Марк узнал это ночью, когда попросил систему собрать все врачебные записи за три года. Теперь число стояло внизу экрана и мешало читать заключение комиссии.

«Убедительной положительной динамики не отмечено».

Ниже шла рекомендация перевести пациента в учреждение длительного ухода. Освободить палату с системой непрерывного мониторинга, прекратить курс сенсорной стимуляции, оставить поддерживающую терапию и кормление под наблюдением. Всё было сформулировано корректно. Ни одного слова, с которым можно спорить.

Три часа назад он спорил с каждым.

Комиссия проходила в малой конференц-комнате. Семеро специалистов сидели вокруг овального стола, на стене сменялись графики Кирилла: питание, мышечный тонус, реакции на стимулы, расходы по месяцам. Последний слайд показывал занятость палат интенсивной реабилитации. Внизу красным стояли двенадцать человек в очереди.

— Это не голосование о ценности жизни, — сказала председатель, когда Марк в третий раз вернулся к этике перевода.

— Тогда уберите со слайда очередь.

— Очередь существует независимо от слайда.

— И независимо от Кирилла. Нельзя превращать его отсутствие прогресса в лечение тех, кого здесь ещё нет.

Невролог справа от Марка перелистнул распечатку.

— За последние девять месяцев нет воспроизводимой произвольной реакции.

— Есть изменения пульса на голос и на прикосновение к левой руке.

— Неспецифические.

— Не все.

— Какие подтверждены вслепую?

Марк не ответил. Ни одна. Для слепого теста требовалась стабильная реакция, а Кирилл иногда отвечал один раз и замолкал на неделю.

— Мы не прекращаем уход, — сказала председатель. — Меняем уровень учреждения. Он будет получать питание, профилактику контрактур, лечение инфекций.

— То есть всё, что нужно телу, от которого больше ничего не ждут.

— А чего ждёте вы?

Вопрос задал психиатр. Не агрессивно, почти устало.

Марк открыл рот и обнаружил, что готового ответа нет. Не «полного восстановления» — он давно перестал использовать эти слова. Не речи и не самостоятельной ходьбы. Возможно, одного взгляда, который можно было бы назвать обращённым к человеку, а не в сторону света.

— Ответа, — сказал он.

— Какого?

— Любого, который будет его выбором.

— За три года вы испробовали медикаментозную активацию, сенсорные протоколы, транскраниальную стимуляцию, поведенческое подкрепление и экспериментальную музыкальную терапию. После каждой методики в записях появлялась «возможная реакция». Ни одна не повторилась в независимой оценке.

— Значит, независимая оценка приходила не в тот день.

Несколько человек отвели взгляд. Марк услышал собственную фразу и понял: аргумент врача уже превратился в веру, защищающую себя от проверки.

— Вы руководитель клиники, — сказала председатель. — Если оставите Кирилла здесь вопреки комиссии, никто не остановит вас административно. Но тогда вы должны назвать критерий следующей оценки и срок. Не бесконечную надежду.

Марк посмотрел на снимок мозга на стене. Сохранённая структура позволяла продолжать что угодно. Именно в этом была ловушка: отсутствие окончательного повреждения превращало каждую неудачу в повод попробовать ещё раз.

— Две недели, — сказал он.

— На что?

Тогда ответа у него ещё не было.

Комиссия проголосовала. Шесть — за перевод, один — против. Марк подписал протокол с особым мнением и ушёл до обсуждения следующего пациента.

За окном кабинета начинался дождь. Капли собирали свет вывески на противоположном корпусе и медленно стекали по стеклу. Марк выключил экран, но последняя фраза ещё несколько секунд оставалась серым пятном.

Он спустился на третий этаж.

Ночное отделение звучало иначе, чем дневное. Не было шагов посетителей, звонков, тележек с бельём. Работала вентиляция. Пищал датчик у поста медсестры. Из дальней палаты доносился телевизор, оставленный для пациента, который спокойнее засыпал при человеческой речи.

Дежурная медсестра подняла голову.

— Вы домой не собираетесь?

— Уже ушёл.

Она посмотрела на часы.

— Значит, мне показалось.

— Кирилл спал?

— Если это у него называется сном. С девяти глаза закрыты. На поворот реагировал.

— Как?

— Напряг левую руку. Как обычно.

Марк отметил про себя: не как обычно. В журнале последнюю реакцию на поворот записывали пять дней назад.

— Давление?

— Сто двадцать восемь на восемьдесят. Температура нормальная. Вы опять хотите его смотреть?

— Только недолго.

— Тогда хотя бы снимите пальто. Вы с него на пол натекли.

Марк повесил пальто в сестринской и прошёл в палату номер двенадцать.

Кирилл лежал на спине, чуть повернув голову к окну. Свет из коридора пересекал кровать узкой полосой. В ней были видны правая скула, шрам у волос и рука поверх одеяла. За три года мышцы не исчезли полностью — физиотерапевты работали с ним каждый день, суставы сохраняли подвижность, электрическая стимуляция поддерживала тонус. Но тело стало легче. Скулы выступили резче, кожа на кистях побледнела.

В медицинских документах его называли пациентом с посттравматическим кататоническим синдромом неясного происхождения. Слово «посттравматический» относилось не к черепу. Кирилла нашли в гаражном боксе рядом с телом младшего брата. Следов тяжёлой черепно-мозговой травмы не обнаружили. Было обезвоживание, ушибы, два сломанных пальца

и препарат в крови, который мог вызвать спутанность, но не объяснял последующие годы молчания.

Первые недели Кирилл сопротивлялся прикосновениям. Не разговаривал, не выполнял команды, но иногда закрывал голову руками. Потом перестал и это делать.

За лечение платил благотворительный фонд. Деньги приходили регулярно, без писем и звонков. Марк пытался выяснить, кто стоит за фондом, но юрист клиники попросил его заниматься медициной. Пока оплачивалась отдельная палата, вопрос казался неприятным, но не срочным.

Теперь фонд не возражал против перевода.

Марк сел рядом с кроватью.

— Комиссия считает, что мы дошли до конца, — сказал он.

Кирилл не открыл глаз.

Разговаривать с ним начали ещё в первый месяц. Сначала медсёстры сообщали, что собираются делать: поднять изголовье, измерить давление, повернуть на бок. Потом одна из них стала рассказывать новости. Марк это прекратил, когда услышал подробности железнодорожной аварии. Если Кирилл понимал речь, меньше всего ему требовалось провести годы внутри чужой хроники несчастий.

Сам Марк говорил только о лечении. Объяснял результаты, называл препараты, предупреждал перед обследованием. Он не знал, сохраняет ли тем самым достоинство пациента или поддерживает собственную иллюзию общения.

— Я должен подписать перевод в понедельник.

Рука на одеяле не двигалась.

— Там будет чисто. Уход нормальный. Реабилитации почти нет, но тебе от нашей тоже пользы немного.

Марк замолчал.

В дождь что-то ударило по наружному подоконнику. Негромко, два раза подряд. Кирилл открыл глаза.

Это не было редкостью. Он мог лежать с открытыми глазами часами, не фиксируя предметы. Марк наклонился, стараясь попасть в поле зрения.

— Кирилл.

Зрачки отреагировали на свет из коридора. Взгляд прошёл мимо лица.

На подоконнике снова стукнуло. Марк повернулся. Вода из водосточной трубы падала на металлический кожух кондиционера: два быстрых удара, пауза, ещё два.

Глаза Кирилла сместились к окну.

Марк поднялся и заслонил полосу света. Взгляд пациента остался направлен туда же.

— Вы слышите?

Два удара.

На мониторе участился пульс: с шестидесяти восьми до семидесяти четырёх.

Марк взял телефон, включил диктофон и поднёс к окну. Записал несколько повторов. Потом закрыл жалюзи. Звук остался, но стал глуше.

Кирилл медленно повернул голову на несколько градусов.

Не к окну. От него.

Марк вышел в коридор.

— Лена, зайдите, пожалуйста.

Медсестра появилась в дверях с кружкой в руке.

— Что случилось?

— Посмотрите на голову. Не на монитор.

Он воспроизвёл запись. Телефон выдал два металлических щелчка с промежутком чуть меньше секунды. Кирилл отвернул голову ещё на несколько градусов.

- Ему не нравится, — сказала Лена.
- Ещё раз.
- Марк Андреевич, не мучайте человека.
- Поэтому и нужно повторить.

После четвёртого воспроизведения реакция исчезла. Пульс вернулся к исходному. Марк сохранил запись и время наблюдения.

- Привык, — сказала медсестра.
- Или устал.
- Или мы видим то, что хотим.
- Вы тоже хотели?

Лена пожала плечами.

- Я хочу, чтобы вы поспали.

Марк закрыл жалюзи полностью. Кирилл снова смотрел перед собой. Если движение головы было произвольным, это означало неприятие звука, узнавание или простую ориентировочную реакцию. Последнее было наиболее вероятно и наименее полезно. Комиссия попросит повторить тест в стандартных условиях. При повторе реакции, скорее всего, не будет. Ещё одна заметка в истории, ещё одна «неубедительная динамика».

Он вернулся в кабинет и составил протокол наблюдения. Не написал, что Кирилл отвернулся от звука. Написал: «Дважды зарегистрирован поворот головы после акустического стимула, с последовательным увеличением угла. Требуется слепая проверка».

Время было около двух ночи, когда пришло сообщение от Вадима.

«Испытание прошло. Навык сохраняется без обучения».

Марк прочёл дважды. Последний раз они встречались три месяца назад. Вадим рассказывал о переносе поисковых паттернов у собак, а Марк спорил с термином «перенос». Если после стимуляции животное научилось быстрее, это ещё не означало, что навык пришёл из другого мозга. Вадим принёс графики и два часа доказывал, что именно означает.

Под конец Марк спросил, можно ли так вывести человека из кататонии.

Вадим ответил: «Не этим протоколом».

Тогда Марку показалось, что главное слово — «не этим».

Он набрал номер.

- Ты видел время? — спросил Вадим вместо приветствия.
- Ты ответил.
- Я в лаборатории.
- Успешно?
- Да.

Голос звучал устало, но Марк слышал в нём редкое возбуждение. В университете так бывало, когда Вадим находил ошибку в опубликованной работе. Чужая схема уступала реальности, и это доставляло ему почти физическое удовольствие.

— Что именно собака научилась делать?

— Искать целевое вещество, соблюдать последовательность и обозначать находку жестом донора.

- Жестом?
- Условной реакцией.
- То есть она получила не способность учиться, а готовое действие.
- Похоже на то.
- У меня есть пациент.

На другом конце возникла пауза.

- У тебя много пациентов.
- Этот подходит.

— Для чего?

Марк развернул на экране снимки Кирилла. Структурная МРТ, трактография, функциональные серии. Сохранённая кора, сохранённые проводящие пути, сниженная и странно организованная активность. Мозг, который не был разрушен, но перестал отвечать миру.

— Для стимуляции, — сказал он. — Не делай вид, что не думал об этом.

— Думал. Поэтому знаю, что рано.

— Его переводят в понедельник. После этого активного лечения не будет.

— Ты хочешь проверить на человеке систему, которую сегодня впервые показали на одной собаке?

— Я хочу понять, можно ли использовать твой принцип, чтобы восстановить доступ к уже существующим функциям. Речь, движение, ориентировку.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

— Нет. Ты знаешь слова. Мой протокол формирует выбранный паттерн поверх работающей системы. У твоего пациента неизвестно что происходит на уровне больших сетей. Мы можем усилить патологическую петлю.

— Или разорвать её.

— Или вызвать судороги. Или необратимое возбуждение. Или ничего.

— Последнее у него уже есть.

Вадим молчал.

Марк увидел своё отражение в тёмном окне. Рубашка расстёгнута у воротника, волосы примяты, на правом манжете след от кофе. Он поправил манжет и тут же убрал руку.

— Я не прошу лечить его завтра, — сказал он. — Посмотри данные. Проведи картирование. Если не подходит, скажешь нет.

— Согласие?

— Он признан недееспособным. Официального опекуна нет, решения принимает врачебная комиссия.

— Та самая, которая решила его перевести?

— Я могу собрать комиссию для диагностической процедуры.

— Как ты её назовёшь?

Марк не ответил сразу.

— Нейрофункциональное картирование с адаптивной стимуляцией.

— Красиво.

— Точно.

— Нет, Марк. Достаточно расплывчато.

— Ты приедешь?

— Пришли обезличенные данные.

— Чтобы ты отказал по почте?

— Чтобы я посмотрел.

— Приезжай сам. Увидишь человека, а не массив.

— Массив не пытается убедить меня глазами.

— Он почти не смотрит.

Марк пожалел об этой фразе. Она прозвучала как продажа удобного пациента.

— Завтра после пяти, — сказал Вадим. — Никаких обещаний.

Связь оборвалась.

Марк не успел положить телефон, когда на внутренней линии загорелся номер приёмного отделения.

— Есть перевод из областной, — сказала дежурная координатор. — Девятнадцать лет, аутоиммунный энцефалит после реанимации. Дышит сама, периодически выполняет команды. Им нужна палата мониторинга на ближайшие трое суток.

— Свободные места?

— Если бы были, я бы не звонила.

Марк открыл таблицу отделения. Двенадцать палат. В одиннадцати пациенты нуждались в непрерывном наблюдении. В двенадцатой лежал Кирилл.

— Поставьте в общую реанимацию до утра.

— Там шум, свет и нет специалиста по пробуждению. Областная готова привезти через сорок минут, если мы подтвердим.

— Позвоните в Северную клинику.

— Они отказали. Полная загрузка.

На экране карточка Кирилла оставалась открытой. Пульс, питание, отсутствие подтверждённой реакции. Рядом — обещанные комиссии две недели и звонок человеку, который ещё не видел снимков.

— Марк Андреевич?

— Я слышу.

— Отказывать?

За стеклом кабинета Лена меняла систему у пациента после инсульта. Она увидела, что Марк смотрит, и указала на телефон: решайте.

— Переведите Павлова из десятой в обычное неврологическое отделение, — сказал Марк. — У него сорок восемь часов стабильных показателей. Освободите десятую, вызовите дополнительную сестру и принимайте девушку.

— Павлова планировали наблюдать до понедельника.

— Я изменил план.

— Его жена уже жаловалась, что вы торопитесь.

— Я сам с ней поговорю.

Координатор подтвердила приём. Через минуту позвонила жена Павлова.

Она не кричала. Спросила, почему ещё утром мужу требовался мониторинг, а ночью оно внезапно перестало быть необходимым. Марк объяснил показатели, стабильность дыхания и постоянный пост в неврологии. Все доводы были медицински верными. Ни один не содержал имени Кирилла.

— Если место понадобится более тяжёлому, вы вернёте мужа? — спросила женщина.

— Да.

— А кто решает, кто тяжелее?

— Ответственный врач.

— Вы?

— Сегодня — я.

После разговора Марк спустился в десятую палату. Павлов спал. Его жена уже складывала вещи в пакет и не просила помощи. На тумбочке стоял детский рисунок: три человека держались за руки под квадратным солнцем.

— В неврологии теснее, — сказал Марк. — Но медицинского риска перевод не добавит.

— Вы всегда говорите только о риске, — ответила она. — Как будто неудобство, страх и ваше решение не считаются.

Марк помог закрепить пакет на каталке. Когда санитары увезли Павлова, он вошёл в освободившуюся палату. Через сорок минут здесь будет девятнадцатилетняя девушка, у которой шанс вернуться измерялся днями, а не тремя годами. Комиссия говорила об этом же: каждое продолжение ухода за Кириллом происходило за счёт человека, которого Марк ещё не знал.

Он мог подписать перевод утром, принять решение большинства и оставить Вадиму обезличенные снимки для теоретической консультации. Вместо этого уже назвал процедуру, которой не существовало в утверждённом протоколе.

Марк вернулся в кабинет и открыл форму «нейрофункциональное картирование с адаптивной стимуляцией». В разделе ожидаемой пользы написал: «уточнение сохранности функциональных сетей». Это было правдой. В разделе риска задержал пальцы над клавиатурой, затем добавил: «возможна непредсказуемая перестройка активности».

Фраза казалась достаточно серьёзной врачу и достаточно расплывчатой комиссии.

Он сохранил черновик, но не отправил. До встречи с Вадимом оставалось пятнадцать часов.

Утром Марк провёл планёрку, подписал назначения и перенёс две встречи. В одиннадцать его вызвали в административный корпус. Там ждали председатель попечительского совета, юрист клиники и представитель фонда, оплачивавшего палату Кирилла.

Представителя звали Павел Ильич. Он ни разу не встречался с пациентом и говорил о нём с безупречной осведомлённостью.

— Мы получили рекомендацию комиссии, — сказал он. — Фонд готов оплатить перевод и первые шесть месяцев содержания.

— Причина прекращения финансирования реабилитации?

— Отсутствие медицинских оснований продолжать её в прежнем объёме.

— За три года вы ни разу не запросили независимую оценку.

— Мы доверяли вашей клинике.

— А теперь?

— Продолжаем доверять. Поэтому следуем заключению вашей комиссии.

Юрист едва заметно вздохнул.

Марк положил на стол ночной протокол.

— Появилась реакция на акустический стимул. Я назначаю дополнительное картирование.

Павел Ильич прочитал одну страницу.

— Поворот головы.

— Последовательная реакция с изменением пульса.

— Это меняет прогноз?

— Пока не знаю.

— Когда будете знать?

— После обследования.

— Сколько времени?

— Две недели.

— У нас согласован перевод на вторник.

— Был согласован.

Председатель совета сняла очки.

— Марк Андреевич, комиссия высказалась. Вы участвовали в заседании.

— И проголосовал против.

— Один из семи.

— Для назначения диагностики голосование не требуется.

— Если диагностика входит в утверждённые протоколы.

Марк посмотрел на юриста. Тот опустил глаза к папке.

— Входит, — сказал Марк. — В расширенный протокол оценки сохранности произвольных реакций.

Это было не ложью. Такой протокол существовал. В нём не было установки Вадима, но до неё ещё предстояло дойти.

Представитель фонда подвинул лист обратно.

— Мы не будем оплачивать экспериментальные процедуры.

— Я не просил.

— Клиника тоже не обязана.

— Расходы возьмёт исследовательская программа.

Теперь юрист поднял голову.

— Какая программа?

— Я сообщу после согласования.

В кабинете стало тихо.

Павел Ильич первым собрал документы.

— Две недели, — сказал он. — После этого фонд прекращает расширенное финансирование независимо от результата. Если процедура ухудшит состояние пациента, ответственность останется на клинике и на вас лично.

— Она и сейчас на мне.

— Нет, доктор. Сейчас она распределена между всеми присутствующими. Вы предлагаете забрать её себе.

Он встал и застегнул пиджак.

— Подумайте, почему вам это нужно.

После встречи Марк спустился к Кириллу. В палате работал физиотерапевт. Он сгибал правую ногу пациента, считал повторения и рассказывал о ремонте моста. Кирилл смотрел в потолок.

— Оставьте нас на минуту, — попросил Марк.

Когда дверь закрылась, он сел рядом.

— У нас две недели, — сказал он. — Возможно, меньше.

На тумбочке лежала фотография, найденная в вещах Кирилла при поступлении. Два молодых мужчины стояли у реки. Кирилл был справа, ещё без шрама у волос. Левого Марк считал его братом: похожая линия подбородка, одинаковые тяжёлые брови. На обороте не было даты, только слово «Лёньке».

Марк никогда не показывал фотографию пациенту как тест. Она входила в личные вещи, а использование личных материалов требовало отдельного решения. Сейчас это ограничение показалось ему способом ничего не делать правильно.

Он поставил рамку ближе к подушке.

Взгляд Кирилла не изменился.

Вадим приехал в половине шестого. На нём была та же рубашка, что ночью, и пахло холодным воздухом. Вместо приветствия он протянул Марку накопитель.

— Обезличь всё ещё раз и загрузи сюда исходные серии. Без заключений.

— Сначала посмотри на него.

— Сначала данные.

— Ты обещал приехать.

— Я приехал.

Они стояли у поста. Лена делала вид, что проверяет назначения, но слушала.

Марк провёл Вадима в палату.

Тот остановился у кровати не ближе чем в двух метрах. Посмотрел на монитор, на положение рук, на фотографию у подушки. Не представился и ничего не сказал пациенту.

— Кирилл Зорин, тридцать лет, — начал Марк. — Три года в кататоническом состоянии после тяжёлой психической травмы. Структурного поражения, соответствующего глубине симптомов, нет. В начале сохранялись защитные реакции. Сейчас — отдельные ориентировочные ответы.

— Лекарственная история?

— На накопителе.

— Судороги?

— Нет.

— Импланты, металл?

— Две пластины в левой кисти. К голове отношения не имеют.

Вадим подошёл ближе. Посветил маленьким фонариком в глаза, попросил Марка повернуть голову пациента. Потом коснулся пальцами лба у линии волос.

Кирилл моргнул.

— Роговичный рефлекс, — сказал Вадим.

— Ты не касался глаза.

— Поток воздуха от руки.

— Конечно.

Вадим посмотрел на Марка.

— Если ты будешь приписывать смысл каждой реакции, я уйду.

— А если ты будешь объяснять каждую реакцию шумом, зачем приехал?

Кирилл перевёл взгляд с одного на другого.

Оба замолчали.

Движение было небольшим. Сначала глаза остановились на Марке, затем сместились к Вадиму. Не скольжение без фиксации, не блуждание. Переход между двумя источниками голоса.

Вадим медленно поднял руку. Взгляд Кирилла остался на его лице.

— Повтори вчерашний звук, — сказал он.

Марк включил запись. Два металлических удара.

Пульс вырос на шесть единиц. Левая кисть Кирилла напряглась, пальцы согнулись внутрь. Голова не повернулась.

Вадим попросил повторить запись через разные интервалы, затем включить другой стук, похожий по частоте. На исходный сигнал Кирилл реагировал дважды из пяти. На контрольный — ни разу.

— Недостаточно, — сказал Вадим.

— Но не ноль.

— Не ноль.

Он подвинул стул от стены и сел рядом с кроватью, на расстоянии вытянутой руки.

— Диагностическое картирование провести можно. Без изменения устойчивых связей. Сначала только чтение и пробная стимуляция малых контуров.

Марк почувствовал облегчение и тут же подавил его. Вадим ещё ничего не обещал.

— Что тебе потребуется?

— Полная история, согласие комиссии, перенос пациента на нашу площадку или установка экранированного модуля здесь.

— Модуль привезти проще.

— Нет. Проще написать на бумаге. Здесь вентиляция, питание и экранирование не подходят.

— Тогда перевезём.

— После предварительных тестов.

Вадим смотрел на Кирилла уже не как посетитель. В его взгляде появилась сосредоточенность, которую Марк знал со студенческих лет. Так он смотрел на задачу, переставшую быть чужой.

— Ты собираешься дать ему готовые двигательные схемы? — спросил Марк.

— Если дойдём до вмешательства. Базовую последовательность: фиксация взгляда, выполнение одноступенчатой команды, речевая инициация.

— Откуда возьмёшь модель?

— От здорового донора.

— Это безопасно для донора?

— Считывание не меняет его мозг.

— А для Кирилла?

Вадим снял очки и потёр переносицу.

— Этого никто не знает.

Кирилл лежал между ними с открытыми глазами.

Марк поправил манжету.

— Я хочу его вылечить, — сказал он.

— Тогда не называй успехом любую перемену.

— А ты не называй его системой.

Вадим надел очки.

— Мне нужны исходные серии без твоих пометок. Завтра пришлю список дополнительных тестов.

Он направился к двери, но остановился возле фотографии.

— Кто второй?

— Предположительно брат. Погиб в ту ночь.

Вадим посмотрел на Кирилла.

— Убери фотографию перед тестированием. Сильный неконтролируемый стимул.

— Возможно, единственный, который до него доходит.

— Тем более.

После его ухода Марк вернул рамку на тумбочку, но повернул стеклом вниз.

Он ещё не знал, что именно Вадим собирается перенести в мозг Кирилла. Знал только, что получил две недели вместо перевода и возможность сделать то, чего не сделал никто за три года.

Марк открыл форму отсрочки. В графе «основание» написал: «дополнительная диагностика», перечитал и поставил подпись.

Подписи врача было недостаточно. Требовалось согласие законного представителя, а в деле Кирилла такой человек не значился. Мать умерла, отец был указан со слов пациента и не найден, брат погиб. Последний телефон из анкеты принадлежал женщине, которая три года назад представилась двоюродной тётей и попросила больше не звонить.

Марк всё-таки позвонил.

Отвечили после шестого гудка.

— Я уже сказала вашей клинике: мы не общались, — произнесла женщина, услышав имя Кирилла. — Я ему никто по документам.

— Решается вопрос о переводе.

— Куда?

Марк назвал учреждение длительного ухода. На другом конце стало тихо.

— Там за ним будут смотреть?

— Будут поддерживать состояние.

— А сейчас вы что делаете?

Он мог сказать то же самое. Вместо этого рассказал о реакции на стук и предложенной диагностике. Не упомянул чужую нейронную модель, потому что Вадим назвал её лишь возможностью. Не упомянул риск вмешательства, потому что формально речь шла о картировании.

— Он проснётся? — спросила женщина.

— Я не могу обещать.

— Тогда зачем спрашиваете меня?

Марк посмотрел на форму. Ему требовалась не родственница, а подпись, которая разделит ответственность.

— Чтобы у него был представитель.

— Три года не было, а теперь понадобился?

— Да.

— Найдите государственного. Я не буду решать, жить ему так или не жить.

Она отключилась.

Марк занёс звонок в карту, но не содержание разговора. Затем связался с дежурным юристом клиники. Тот объяснил, что неинвазивное картирование можно провести по решению консилиума, если оно необходимо для выбора лечения. Любая экспериментальная стимуляция потребует отдельного протокола и внешнего представителя.

— А если без стимуляции картирование бессмысленно?

— Тогда оно не диагностическое.

— Есть реакция, которую стандартные методы не фиксируют.

— Опишите её и назначьте стандартные методы ещё раз.

— Мы повторяли.

— Значит, зафиксируйте отсутствие подтверждения.

Юрист говорил без жестокости. Он защищал клинику от решения, которое нельзя будет отменить. Марк это понимал и всё равно услышал другое: ждать, пока пациент окончательно станет удобным для перевода.

Он открыл новую форму консилиума и назначил заседание на утро. В перечне вопросов первым поставил «уточнение уровня сознания», вторым — «целесообразность транспортировки для высокоразрешающего картирования». Слово «стимуляция» не использовал.

Только после отправки заметил, что уже делает то, за что часто осуждал коллег: дробит одно опасное решение на несколько безопасно звучащих шагов, чтобы ни на одном из них не пришлось произнести целое.

В палате Кирилл снова посмотрел на перевёрнутую фотографию. Или Марку показалось, что посмотрел.

Утренний консилиум занял девятнадцать минут. Невролог подключился по видеосвязи, заведующая отделением пришла с распечаткой расходов, юрист сидел у двери и не снимал пальто. Кирилла обсуждали по номеру истории болезни.

Марк показал пять записей со стуком. На двух взгляд пациента менялся, на трёх — нет.

— Статистически недостаточно, — сказал невролог.

— Поэтому нужно картирование.

— Картирование чего? Реакции на знакомый звук или вашей интерпретации?

Марк включил контрольный сигнал. На него Кирилл не реагировал ни разу.

Заведующая перелистнула смету.

— Кто оплачивает транспортировку?

— Проект Вадима.

— Письмо есть?

Письма ещё не было. Марк сказал, что получит до вечера.

Юрист уточнил, будет ли воздействие. Марк ответил: сначала считывание. Слово «сначала» заставило того поднять голову.

— А потом?

— Решим по результатам.

— Тогда согласование только на первый этап. Любое изменение протокола — новый консилиум.

Марк кивнул. Уже в этот момент знал: если Вадим начнёт стимуляцию во время сеанса, собрать новый консилиум будет невозможно. Можно будет остановить установку или продолжить. Бумага не примет решение за него.

Голосование разделилось. Невролог воздержался, заведующая согласилась при внешнем финансировании, юрист не голосовал. Решающий голос принадлежал Марку.

Он посмотрел на экран с неподвижным лицом Кирилла и сказал:

— За диагностический этап.

В протоколе появилась единогласная формулировка: «Возражений против транспортировки для уточняющего картирования нет». Воздержание исчезло в редакции секретаря, а слово «диагностический» стало единственным ограничителем будущего опыта.

Марк подписал и эту страницу.

Кирилла перевозили вечером, когда в холле оставалось меньше посетителей. Санитары переложили его на транспортную каталку, закрепили голову и закрыли лицо от холодного воздуха прозрачным экраном.

Возле лифта каталка остановилась. Кирилл смотрел в потолок. Марк постучал знакомым ритмом по поручню.

Взгляд сдвинулся.

— Видели? — спросил он.

Один санитар пожал плечами.

— На звук все реагируют.

Марк повторил контрольный ритм. Реакции не было. Исходный — взгляд снова изменился.

Он мог отменить перевозку и оставить наблюдение в клинике. Вместо этого внёс эпизод в карту как дополнительное основание для картирования.

У машины лежала фотография братьев, которую Марк решил не брать. Уже закрывая дверь, он вернулся за ней и положил в медицинскую сумку стеклом вниз.

Если Вадим прав, сильный стимул помешает чистоте опыта. Если неправ, фотография останется единственной вещью, способной вернуть Кириллу причину проснуться.

Машина тронулась. Марк ехал рядом с каталкой и считал повороты, хотя маршрут знал. На каждом светофоре проверял пульс и положение головы. Кирилл не менялся.

На втором светофоре позвонила двоюродная тётя Кирилла. Она получила автоматическое уведомление о переводе и спросила, куда его везут.

— На дополнительное обследование, — сказал Марк.

— Он согласился?

Марк посмотрел на Кирилла. Глаза были открыты, но не следили за голосом.

— Решение принял консилиум.

— Я спрашиваю не про консилиум.

Она навещала племянника дважды в год и каждый раз подписывала бумаги, не читая до конца. Марк привык считать её формальным родственником, который мешает быстрее оформлять процедуры. Теперь она задала вопрос, которого не задали шесть специалистов.

— Кирилл не может выразить согласие обычным способом.

— А необычным?

Марк рассказал о стуке. Не упомянул, что реакцию уже использовали как основание для перевозки.

— Тогда спросите тем стуком, — сказала она.

— У нас нет надёжной системы ответов.

— Значит, у вас нет и согласия.

Связь оборвалась в тоннеле. Марк мог перезвонить после выезда, но убрал телефон. В карте стояло решение консилиума, в машине — пациент, а лаборатория уже ждала. Возвращение потребовало бы назвать поездку ошибкой до получения результата.

Он постучал по поручню один раз, потом два. Кирилл перевёл взгляд на руку. Марк не знал, что означает движение, и записал только время.

Когда связь появилась, тётя прислала сообщение: «Сообщите до любого воздействия». Марк ответил: «Обязательно».

Слово было шире разрешённого картирования. Он не исправил его.

У ворот лаборатории охранник попросил назвать перевозимого «грузом медицинского назначения». Марк заставил переписать пропуск: «пациент Кирилл Зорин». Задержка заняла четыре минуты. Это была маленькая точность, которая ничего не исправляла, но не позволяла процедуре начаться с ещё одной подмены слова.

Копию пропуска Марк положил в медицинскую карту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.